

Алексей Козлов

ПЕРМСКИЙ ЭТОС

16+

Алексей Козлов

Пермский этос

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32827142

SelfPub; 2018

Аннотация

Четверо молодых экстремистов пытаются перевернуть с ног на голову существующий порядок. В то время, когда вся Пермь в едином порыве отправилась писать Тотальный диктант, Ваня Лебедь, Кристина Рак, Женька Шука и Миша Нестеренко идут в Безымянный сад, чтобы разрушить культурное наследие. Преследования, интриги и справедливое возмездие ждут читателя!

Деконструкция симулякра пермский этос

Что? перестать или пустить на Пе?..
Признаться вам, я в пятистопной строчке
Люблю цезуру на второй стопе.

Птушкин

Того, чьей волей роковой
Сей мрачный символ основался

Его же

Две поэмы объединены сюжетообразующим символом –
Парашей

Сложеницын о Птушкине

I

Там, где заканчивается Сибирь и еще не начинается Европа, между Понтом и Соловками, находится город Пермь. Этот город ничего не говорит моему сердцу и разуму, и в его огнях мне видится то безвременное бытие, то безбытийное время. И люди – эти по-иркутски приветливые и по-вят-

ски расчетливые люди – кажутся мне ничем не выдающимися. Разве что каждый из них отсчитывает свою историю от Татищева и видит ее культурный пик в фигурах Гельмана и Иванова.

Если когда-нибудь вам доводилось общаться с пермскими жителями, вы, наверное, хорошо понимаете, как в их локальном сознании соединяется комплекс провинциала и имперские амбиции. Практически любой пермский житель – стоит остановить его и узнать дорогу – начнет спрашивать, читали ли вы «Географа» Иванова. Однако, стоит вам перевести разговор на «Сердце Пармы» или «Пермский текст» Абашева, так неудачно ставший придатком филантропической деятельности Иванова, встретившийся пермяк, указав дорогу, тихо поругиваясь отправляется с горячим сердцем в близлежащую пельменную, – заедать вседневную тоску и горечь.

И, тем не менее, время от времени всем нужно ездить в Пермь.

Мы подъезжаем к Перми ранним утром, когда гордые Рифейские горы прячутся в плотных облаках и леса разбегаются в разные стороны, скрадываясь в пещерах и ущельях и слагаясь в новые неразгаданные тайны убегающего прочь от города палеолита. Кругом, очевидно, мертвый сон, и апатичная суета немногих сходящих с поезда пассажиров не нарушает разлитого по миру безмолвия.

Когда поезд останавливается, вы выходите на перрон и по

деревянными лестницами, созданными еще до Великого потопа, спускаетесь в лабиринт. Миновав несложные сочленения коридоров, вы оказываетесь на свежем воздухе.

С первого шага – Пермь осознает свою вторичность. Стоит Вам поднять голову, – вы увидите венчающую уродливое серое здание надпись: «Пермь-2». Точно всё, что перед вами: и сам город, и люди – это только копия навсегда потерянного оригинала, убранного, возможно, из-за нехватки места на земном шаре.

Спускаясь по ступеням вокзала, вы видите нагроможденные киоски, гомонящие толпы цыган и абреков, спешащих со своими маленькими замшевыми саквояжами евреев. Большинство из встречаемых прохожих несет на себе печать какой-то усталости и еле сдерживаемой скорби. Точно апокалипсис здесь – в отдельно взятом городе – уже случился, и в назидание о минувшем расвирепевший архангел метнул свой пылающий меч, и он, опалив головы местных жителей, вонзился в землю, обратившись в уродливую железобетонную стелу эпохи советского неолита.

Затянутая, точно в погребальный саван, в черную свиту облаков герценовско-горьковская Пермь приемлет всех идущих в свои холодные, костяные объятия. Ежась и содрогаюсь от ледяного дыхания скрытых под землей легких, как адская кузница, вырабатывающих свежий воздух и обращающих его в сероводород, вы вступаете в Безымянный сад.

Это место – вопиюще неживописное среди монолитно-серых форм – местные жители обходят с опаской. Временами вы встречаете беззаботно усевшихся на траву людей, но приглядевшись, наверное, видите, что они давно лишены первичных половых признаков и головы – словом, и не люди.

Мимо черных сфер, скорее – мимо! Это черные сферы инобытия, запечатлевшие в своих покрывочных следах пермский этос минувшего. Пропитанный животным мускусом этос, некогда бывший текстом, растекается по безымянному саду, и, переходя сложный путь оптически-обманных отражений, образует великий грандиозный символ – букву «Пе».

Пе... Великий грандиозный символ. План выражения без плана содержания. Два земных перпендикуляра, на которых держится земная параллель. Эта мнимая, евклидовская ортогональность мира захватывает город и низводит его до звука, до отголоска, до бессмыслицы.

Чем дальше вы смотрите на Пе, тем большую оформленность обретают ее хаотически-буквенные очертания. Вместо тысячи собранных вместе брёвен вам кажется груда мертвых тел... Тысячи, сотни тысяч погибших, оскопленных и безголовых людей. По их теням солнце отсчитывает свой несложный ход, окропляя лучевым варевом сочащиеся деревянные силуэты в предрассветные и послезакатные часы.

А чуть дальше, там, где отменено пространство и время, на пересечении бытия и небытия стоит полицейский эскорт,

который денно и ночью наблюдает за целостностью вверенного городу символа. Немало героических страниц в истории молодой Перми связано с художественно замысленными террористическими атаками, немало современных героико-эпических баллад написано о молодых деконструкторах, отдавших свое время, здоровье, счастье, самое себя, для победы над буквой «Пе». И, кажется, – неправда ли, кажется, – что история этих подвигов написана огненными буквами на сером асфальте города, и, что, слагаясь в единый текст, они образуют подлинную жизненную онтологию, возвращая времени его направленность и линейность.

II

Это случилось осенью, в последние ноябрьские дни. Серый снежок уютно поскрипывал под ногами, пушистые метели ластились к пёстрым бульварным стенам. В это время из разных точек города друг другу навстречу двинулось четверо молодых людей. Мало чем они отличались от обычных прохожих, только в глазах – в отличие от тусклых зрачков массы – светился огонь борьбы и несгибаемая, стальная воля.

Шедший с востока Ваня Лебедь не шёл, а плыл. Своим внешним видом он походил на английского денди: только пропал куда-то изящный лаковый цилиндр. Искаженная и перевёрнутая в его лаковых ботинках улица напоминала со-

бою змею, покорно ползущую вслед за своим предводителем. Ваня шёл спокойно, часто останавливался и читал объявления; порою он доставал маникюрные ножнички и препарировал некоторые фразы, тщательно пряча их в лабиринтах своего кармана.

Женя Щука, рыжий и невыспавшийся, шёл по проспекту со стороны юга, нервно и внимательно обводя глазами прохожих. Он никому не улыбался, и лицо его, обычно спокойное и красивое, было искажено гримасой ненависти и злобы. Изредка его жилистые руки сжимались в кулаки, и любой зазевавшийся прохожий, турист, или приезжий на заработки мог получить по шее: Женя обычно не церемонился.

Кристина Рак, вчерашняя семинаристка, шла, как и все семинаристки, в коричневом кашемировом пальто: на плечи был наброшен изрядно вылинявший темно-зеленый драдедамовый платок. Под мышкой Кристина, как удалось установить позднее, держала связку книг: «Трудное время» В.А. Слепцова, «Что делать?» Н.Г. Чернышевского и вовсе не относящихся к делу «Подлиповцев» Ф.М. Решетникова. Застыв в 60-х годах предшествующего века, Кристина не спешила выйти из своего замкнутого сомнамбулического круга. В то же время шла она с Запада – но запад, думается, был бы сильно озадачен, узнав о таком векторе и направлении ее мыслей.

Миша Нестеренко, подрывник со стажем, шёл с севера. Был он вчерашним студентом, внешности самой неопреде-

ленной, как и подобает подрывникам.

На крыльце хостела П все четверо встретились, однако сделали вид, что не замечают друг друга. В этой мнимой анонимности, встречаемые Лёшей Казаком, они зашли внутрь здания.

В хостеле было тихо и мёртво: едва поскрипывали дореволюционные ходики, да скреблись в доме напротив, чуть слышно империалистические крысы прошлого.

* * *

В комнате для восьми персон было тихо: весь номер был откуплен для секретной встречи. Лишь изредка заглядывающие в окно летучие мышки да три незастеленные кровати были свидетелями ночного совещания.

Слово на правах старшего взял Лёша Казак.

– Я собрал вас здесь для того, чтобы осуществить деконструкцию симулякра. Люди вы грамотные, и надеюсь, нет никакой потребности в том, чтобы пояснять значение нашей операции. Город охвачен стихийным семиозисом, и наша с вами задача как несомненных доброжелателей и патриотов – избавить город от этой напасти.

Лебедь, внимательно слушавший старшего, возразил:

– Никакого стихийного семиозиса в городе нет. Есть закономерный мимесис, и его нам и нужно ограничить.

– Боюсь, ты называешь мимесисом то, что принято име-

новать семиозисом. Итак, продолжу... Стихийная семиотизация города достигла своего предела, в результате чего предельность узуса обеспечила появление симулякров. Все эти люди без голов, статуи из арматуры и консервных банок, чёрные сферы инобытия, и, наконец, «Пе» – чистые симулякры...

– Я что-то не совсем понимаю, – прервала словоизлияние скромно потупившаяся Кристина. – А разве прочие городские слои не симулякры? Разве не симулякр – памятник Тащичеву, разве не симулякр – здание обладминистрации?

– Я боюсь, – вмешался в обсуждение мрачный Женька, – что и Пермь наша – симулякр. Я сегодня шёл, смотрел по сторонам. У нас не люди живут, а симулякры. Пролетариев всё меньше, дармоедов всё больше.

Разговор принимал опасный социологический крен.

– Я, вообще, боюсь вас расстроить, но и жизнь наша относительно высокого искусства есть симулякр, – вернул в исходное положение тему Ваня Лебедь. Затем он порылся в кармане и достал несколько вырезок. – Пожалуйста, собираю пошлость и вульгарность:

«Распивочно / На вынос / Услуги проституток / Широкоформатная печать / Регенерация быстро / Грузчики / Грузчики / Грузчики...»

Некоторое время из уст героев вырывались бессиль-

ные слова, которые не могли сколько-нибудь оплодотворить мысль. Одни начинали говорить, другие продолжали, – но так искусственно и глупо, что замолчи они, – и ничего не изменится во всём мире, и ветер не подует, и солнце не остановится, потому как нет ничего в их словах кроме бессмысленных звуков, вцепившихся друг в друга, как два оглодавших полипа – жадных, но, к сожалению, лишенных способности суждения.

Лёша Казак немного помолчал; подождал, пока улягутся страсти и продолжал:

– Мы рыцари абсурда, мы признаем абсурд. Но, даже будучи рыцарями абсурда, мы ратуем за локальный текст – пермский текст. Пока Абашев не написал новую книгу, мы должны вернуть Перми ее уникальность и идентичность. Так и только так. И потому я торжественно заявляю: долой идиологов площади, долой профанацию, долой симулякры.

Всё время молчавший Миша Нестеренко взял слово:

– Я, стало быть, так понимаю дело. Мимесис, семиозис – это, извините, всё от лукавого – или нет лучшего лекарства от геморроя. Если вы действительно нацелены на дело – надо сначала место расчистить. А как его расчистить? Надо взрывать.

Слова Нестеренко дали неожиданный ход общему словоблудию, однако Казак внутренне и внешне казался доволен таким рассуждением. Он потёр свои маленькие ручки и произнёс неожиданно низким и густым голосом:

– Тогда – действуйте!

* * *

В Перми по случаю тотального диктанта было объявлено чрезвычайное положение. Полицейские кордоны и бригады спецназа маршировали по улицам: требовали документы и, помахивая резиновыми палками, внушали уважение и восстанавливали порядок. Временами из послушных толп граждан вырывались какие-то лохматые стрекулисты с ужасающими своей радикальностью лозунгами, но с такими расправлялись жестоко и быстро, без всякой помощи полиции.

Вся Пермь украсилась багровыми и бордовыми флажками, на каждом флажке были написаны приятные гражданам слова, и каждый сознательный горожанин чувствовал в своем сердце праздник.

Толпы шли в школы и университеты: слесари, монтеры, учителя, грузчики, пролетарии и интеллигенты, помолившись в одной из районных церквей и сжевав просфорку, сжимая в своих руках тонкие зеленые тетрабочки, шли с чистыми головами на диктант. Даже безрукие и безногие шли в этом едином потоке, и странно выглядели бы те, кто не шёл: точно не для всех светило солнце общего образования и просвещения, точно не для всех был разлит по городу сладковатый этос.

И вот – в середине дня, точнее, где-то посередине часо-

вой окружности, когда каждый записал уже абзац, нового, только что провозглашенного текста и застыл, содрогаясь от явленной ему мудрости, – весь центр содрогнулся от взрывов. Четверо преступников, осуществивших преступление, менее чем через час были пойманы и заключены под стражу.

* * *

А дело было так: на следующий день после общего разговора, так неожиданно обернувшегося интеллектуальной провокацией, Миша Нестеренко, Кристина Рак, Ваня Лебедь и Женька Щука, напутствуемые Лёшей Казаком, решились действовать. Пока добропорядочные пермские граждане стояли в очереди за просфорками, подрывник Миша и боевик Женька готовили взрывное устройство. Как следует из протокола, секрет изготовления деконструктора, они почерпнули из специальной литературы (Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Ж. Батай).

В ходе следственной проверки удалось выяснить, что молодые люди планировали инсценировку. Ваня Лебедь должен был в начале двенадцатого прийти с газетой и сесть за одной из чёрных сфер. Кристина Рак должна была ему сопутствовать, образуя некоторое подобие достойной спутницы своего элегантного кавалера. По идее террористов, Кристина и Ваня должны были следить за территорией, а в тот момент, когда Женя и Миша подойдут с взрывным устрой-

ством, всеми силами отвлекать полицейский наряд. Успех предприятия во многом был связан с тем, что по случаю праздника обычно дежуривший эскорт был снят и перемещён к центру: оставалось только скоординировать действия и достичь поставленной цели.

С самого утра день не задался. Подходя к Безымянному саду и ежась от пристального взгляда бездушных чёрных сфер, более всего напоминающих проколотые глазные яблоки, из которых тонкой струйкою выливался в атмосферу бессмысленный этос, Ваня Лебедь увидел плешивую дворнягу, катающуюся по земле. Чистенький и аккуратный, с гладко расчесанными волосами, Лебедь подумал: «Одной Рак будет недостаточно. Если же добавить к женщине собачку, маскировка удастся вполне». Однако собачка не считала глубинных интенций Вани и попросту прокусила ему руку, когда тот, по своей душевной простоте, попробовал было угостить ее чем-нибудь вкусным.

Не дошла до места встречи и Рак. Накинув на голову свой драдедамовый платок и двигаясь против течения толпы, она неожиданно почувствовала необходимость слиться с массой. Не в силах препятствовать охватившей её магии, она развернулась и увлекаемая кружком слесарей среднего возраста, отдалась общему течению.

– Милка, а где твоя тетрадь, – окликнул ее, приветливо и широко улыбаясь, честный пермский пролетарий. Кристина ничего не ответила, только плотнее закуталась в фамильный

драдедам.

Поэтому, когда взрывное устройство было готово, и два боевика пришли в Безымянный сад, некому было предупредить их о грядущей опасности. Понимая, что план их не удался, друзья, тем не менее, подошли к «Пе» и начали монтировать бомбу. В это же время находившийся близ бюста Железного Феликса полк полиции вышел из засады, и, минуя проезжую часть, ринулся к нарушителям. Женька вздрогнул, бросил сумку и побежал прочь.

Нестеренко достал спичку, зажег огонь и опустил руку в канистру с бензином. Прогремел взрыв.

* * *

Бледный Ваня Лебедь стоял перед разъяренной пермской толпой. Временами он корчился от боли в правой руке и приступов бешенства, сжимающих его мозг в холодные тиски. В двух шагах от него лежала усекновенная голова того, кто ещё недавно звался Мишей Нестеренко. Мысль совершенно покинула его голову, и сквозь покорёженный череп зияли какие-то клочки абсолютно физиологического мяса, в последнюю очередь напоминающего о том, что человек – сын Божий.

Ваня Лебедь стоял и дрожал – маленький и бессмысленный на фоне грандиозного «Пе». После взрыва этот знак устоял, даже не покачнулось его основание; ни одно бревно, так напоминающее искореженное тело, не выпало из его

структуры.

Ваня Лебедь стоял и думал: «Когда я умножаю на ноль, я получаю ноль. Когда я делю на ноль, я получаю...». Алгебра и начала анализа не помогали ему успокоиться: сердце билось лихорадочно, и ничто не могло заставить его успокоиться.

В это время тучный генерал вышел вперёд и сказал:

– Братья и сестры! Из-за этого человека мы сегодня лишились нашей ежегодной радости! Из-за этого человека сегодняшний праздник не состоялся. Он пробовал посягнуть на нашу собственность, нашу гордость, нашу историю. Помня о демократических принципах нашей страны и нашего народа, оставляю за вами право решить его судьбу.

Видя, что люди сердятся, но скромничают, он подтолкнул близ стоящего офицера. Тот размахнулся резиновой палкой и опустил ее на темя Вани Лебедея. Он охнул, и этот вздох – практически погубил его. Народ, видя и чувствуя, что насилие разрешено, бросился на преступника.

Никогда до этого дня элегантный и чистенький Ваня Лебедь – кандидат культурологи¹, владевший пятью древними языками, – не знал и не чувствовал, сколько стоит жизнь человеческая. Какие-то не люди и не звери молотили его по голове тяжёлыми кулаками, били, рвали, пинали; временами он падал, но его снова подхватывало толпой, и снова били

¹ По забавной номенклатурной оплошности культурологических наук нет, но в мире есть кандидаты культурологи.

и истязали. Его сознание почти покинуло истязаемую плоть: казалось ему, что всё тело его пронзают длинные ржавые гвозди, что вырвали ему крылья, а вместо крыльев в сочащиеся кровью раны вбили деревянные перекладины, что нет у него головы на плечах, а вместо нее – привычно и хорошо думающей – навсегда ослепшая голова его погибшего соратника.

Его не убили: через минуту после народных волнений ударили в городе в благовест, и богомольные и сердобольные люди отступили. Один выживший из ума старик, недавно колотящий его костылём по позвоночнику, даже дал ему кусок припасенного с утра бисквита, но сломанные руки Лебеда не могли удержать ни крошки. Падая и теряя сознание, он видел, как в отступившей и всё еще колеблющейся толпе пропадают из виду дрожащая Кристина Рак и спокойный, довольно потирающий свои ручки Лёша Казак.

* * *

Ночью Женя Щука долго не мог уснуть. Через двадцать минут после взрыва он был пойман и отведён в одиночную камеру. Об этом, а не об иной божественной благодати возвестил верующим гражданам колокол, спасший жизнь отданного на растерзание Лебеда.

Женька не мог уснуть, потому что впервые в жизни чувствовал, что поступил он нечестно, предав идею, которой

он жил, и людей, которые на него надеялись. Женькин дед-фронтовик всегда наставлял внука: «Друга в беде не бросай. Сам сдохни, а друга выручи». И знал Женька, что нельзя бросать, стыдно это и нехорошо.

Всю жизнь Женька презирал тех, кто давал слабину. Презирал он людей, а себя, часто втайне, никому в том не признаваясь, – он считал выше обычных людей.

Обладал он необычной физической силой, и каждый свой день закалялся и воспитывал свое тело. Сам он придумал идею, сам поверил в нее, и она заменила ему всё: веру, семью, жизнь. Часто любил он себя испытывать, и с большим удовлетворением чувствовал, как становится он выше и сильнее обычных заурядных людей. С охотой шёл он на риск, поэтому, когда ему предложили принять участие в деконструкции симулякра, ни минуты Женька не сомневался.

Случившееся легло страшной тенью, неразрешимым парадоксом, бывшим в десятки раз страшнее Парменидова бытия. Если бы предал его друг – Женька бы презрительно усмехнулся. При случае, может, убил бы его, как собаку. Но теперь он – Женька – совершил страшный иудин грех, и он должен был понести наказание.

Не дожидаясь рассвета, слушая бесконечное журчание воды, Женька принялся искать верёвку. Шнурки, ремень, – всё, на чём можно было повеситься, было у него отобрано. Он попытался достать до лампочки, чтобы порезать ей свои тугие, как канаты вены, и нащупал пустой плафон.

Долго он лежал во тьме, глухо стонал и грыз себя своими крепкими жёлтыми зубами. Затем сдавил руками горло: могучие ручищи, не пуская в лёгкие кислород, дрожали и прыгали – пять минут его здоровое и полное жизни тело отчаянно боролось с неизбежным.

Под утро в Башне смерти был найден задушенный террорист Женя Щука.

* * *

Современные пермские страницы не пестрят именами героев: принято говорить о художниках, музыкантах, писателях и поэтах. Героев же относят к абсолютному эпическому, давно минувшему времени. И, в общем-то, это правильно: сомнительно и неверно относить к сонму героев современных повстанцев и террористов.

Люди эти умирают безвестными: в лучшем случае их проклинают, в худшем – о них не говорят. Вместо хоть что-то значащих символов всё чаще на первый план выносят бесчётные симулякры. Так и некогда прекрасный пермский текст давно уже растворен в этосе настоящего, а его герои – всего лишь неровности на козьем пергаменте жизни.

Миша Нестеренко и Женька Щука лежат в земле. После долгого делопроизводства в колонии общего режима оказались Кристина Рак и Ваня Лебедь, ставший, к сожалению, инвалидом. В колонии к ним относятся хорошо: Кристина

учит детей чистописанию, а Ваня Лебедь клеит тремя уцелевшими пальцами бумажные конверты. Эти конверты разносятся по всей стране, и каждый живущий в ней гражданин, несомненно, радуется, геометрической, практически эвклидовой пропорциональности каждой части купленного конверта.

Лёша Казак... но он по неизвестным нам причинам избежал наказания, а в скором времени сбежал из Перми.

III

Нам остаётся досказать нашу повесть. В начале мы говорили, что время от времени всем нужно ездить в Пермь. Нужно ездить, потому что ещё живы ветераны, которые честно и кротко рассказывают об уходящей теперь эпохе деконструкции симулякра.

Я время от времени встречаюсь с Ваней Лебедем, и мы идём с ним по тому злополучному маршруту, которым шёл он в день случившегося теракта. Сегодня, когда никакой «Пе» нет (вы, вероятно, не забыли тот референдум, на котором было решено отказаться от любой бессмысленной символики), порою не верится в то, что земля всего Сада полита кровью безвестных повстанцев. Героические страницы выцветают и тускнеют, всё чаще и чаще выходят из небытия бессмысленные предложения увековечить пермский этос и редуцировать пермский текст до ремарки в мировой исто-

рии.

Однако шагающий рядом со мной ветеран, сжимающий уродливой трёхпалой рукою тяжелый костыль-трезубец, помнит минувшее. Много после амнистии, нагрянувшей в честь тридцатилетия очередной поправки конституции, после страшных истязаний и тяжёлых испытаний, Ваня, наконец, понял истинную цель своего действия и поступка. Теперь он смотрит на минувшее не как жертва истории, а как ее творец и деконструктор, осознавая свою ответственность перед молодёжью и уходящими в туманные дали ветеранами, отдавшими свои жизни за утверждение пермской идентичности.

Этих ветеранов становится меньше и меньше: именно поэтому всем нужно время от времени ездить в Пермь.

* * *

Вместе с Ваней мы идём до кладбища: там убранные белыми цветами стоят в ряд три мраморных надгробия. Здесь покоится наложивший на себя руки в день суда Женька Щука, здесь лежит безвременно ушедшая Кристина Рак, здесь останки того, кто при жизни был подрывником и повстанцем. И какое грешное бунтующее сердце не упокоилось здесь, сквозь неумолкающий гомон адской кузницы, я слышу его мерное биение и вижу, как расцветает оно в растущих на кладбище васильках. Я замираю, и вместе со мной

замирает Ваня Лебедь – я чувствую, что скоро и он ляжет в уготованную ему могилу. И в загробном мире – если он есть – Лебедь встретится с тремя своими друзьями, и они войдут в золотые чертоги.

Тогда и мне незачем будет ездить в Пермь. А пока я иду по вечнозеленым улицам, прохожу мимо водопадов и садов, смотрю на детей, срывающих первые, только народившиеся фрукты, и взрослых, читающих книги и весело воркующих на своём, только им понятном языке.

Уже на закате я приближаюсь к границе города – и вижу бетонную стелу: точно архангел, сменивший гнев на милость, метнул свой огненный меч в проклятый город, чтобы его уничтожить, но сжалился, и в назидание остался карающий меч. Теперь этот меч, нестрашный и замшелый, зацветает белыми и голубыми цветами, в которых отражается небо, любящее грешный род, некогда – быть может, от недостачи в иных мирах – народившийся на земле.

Я иду по пышущей жизнью земле, и в первых сумерках я вижу, как от бетонной стелы, змеясь и приликая к асфальту, тянется чёрная полоса. Эта полоса смыкается с иной, напоминая перекладину или виселицу, напоминая, грандиозный символ «Пе».

Горе тебе или слава, о крепкий город? Только детский смех да шипение листвы отвечают на мой вопрос.

Черновые и подготовительные материалы, образующие Пермский этос

...и дробясь на два

Потом он уходит
Всем нужно ездить в Пермь.
дошёл к ней
Нестеренко взорвался вместе.
Оторванная голова Миши.

И вышли по амнистии 30-летия 4-ой поправки Конституции РФ. Символ же как-то пропал сам собой в одну из годовщин российской военной кампании.

Не об одном торжестве говорят они... и будут создаваться новые тексты

что у него на плечах, не его голова, а голова его погибшего соратника. Чувствовал он, что вырвали ему крылья. В этом окровавленном куске мяса оставалось сознание жизни.

Всех их выхватили, поставили на колени и заключили под стражу. Не миновал этого наказания и любезный метрдетель «Хотела П» Лёша Казак.

Со свечкой их встретил Алёша Казак.

Алёша Казак.

Все пятеро сошлись у здания «Хостел П».

О последователях одного моего хорошего знакомого –
Нестеренко, беседа с которым

Ваня Лебедь

В хостеле П в этот день было особо много народу.

Следуя от центра современного искусства к вокзалу
«Пермь-2».

Погожий день.

* * *

расстиляется.

Посмотрев на монолитные серые стены, Вы спускаетесь в
Безымянный сад. Ты видишь тревожно озирающихся людей.
Обезглавленных, красных.

Это черные сферы инобытия

Великий, грандиозный символ – буква «Пе». Если смотреть
в закатные часы. Что миллионы тел сложились. Быть
может, Пушкин. Быть может, Путин. Быть может...

* * *

Постаревший и согнувшийся, шёл Ваня Лебедь. Он шёл и
не узнавал тех мест. Ни чёрных сфер, ни..., ни..., и, хлопнув

себя по лбу, так что вспорхнувший звук слился с колокольной агонией, зашёлся диким, нечеловеческим смехом.

* * *

Откуда, нам знать, где оказался Ваня Лебедь. Может быть, не увидев... , сей кроткий безумец оказался не в «Перми-2», а где-нибудь в ином месте. Может быть, их кроткий протест имел свой значительный смысл.

Не текст, а этос, не имеющий форм и границ. Этот этос, .

Именно поэтому всем время от времени так нужно ездить в Пермь.

Точно, апокалипсис уже случился, и в назидание архангел метнул свой меч, который, несколько , бетонным столбом вонзился в центр асфальтового шоссе. Этот меч теперь образует стелу, которая во тьме

Возможно, находясь, вы все же.

Сегодня уже многое изменилось. Однако мое дело – правдиво и честно рассказать.

Я иду по Перми. Город-сад. Прекрасные средневековые рыцари.

Похоронили ради Бога.